Онур Эрдур

Южная школа

Колониальные корни французской теории

Пьер Бурдье
Жан-Франсуа Лиотар
Ролан Барт
Мишель Фуко
Жак Деррида
Элен Сиксу
Этьен Балибар
Жак Рансьер

Онур Эрдур
Южная школа. Колониальные корни французской теории

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74704496
Южная школа. Колониальные корни французской теории:
ISBN 978-5-908105-49-1

Аннотация

В книге «Южная школа» (2024) историк и культуролог Онур Эрдур (род. 1984) путешествует к истокам французской теории. Автор предлагает по-новому взглянуть на географию интеллектуальной мысли, определившей образ второй половины XX века: Жан-Франсуа Лиотар и Этьен Балибар жили в Северной Африке и взаимодействовали с французскими колониями, что повлияло на их воззрения; молодой солдат Пьер Бурдье участвовал в Алжирской войне; Мишель Фуко проживал в прибрежной тунисской деревушке Сиди-Бу-Саид, принимал солнечные ванны, занимался спортом и пришел в итоге к философскому гедонизму; в Касабланке у Ролана Барта родилась идея стать романистом; а Жак Деррида, Элен Сиксу и Жак Рансьер философски осмысливали свое алжирское происхождение. Мотив колониальной дилеммы красной нитью тянется через весь текст. Разбирая историю каждого героя, Эрдур

задается вопросом о том, каково это – жить и философствовать во времена господствующей несправедливости.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Введение 6
1 23
Конец ознакомительного фрагмента. 55

Онур Эрдур
Южная школа
Колониальные корни французской теории

«Становиться чужим самому себе, своему языку и народу – не есть ли это характерная черта философа и философии, их „стиль“, так называемая „философская заумь“?»
Жиль Делёз, Феликс Гваттари
«Что такое философия?»

«Рассказывать о вещах иначе – значит рассказывать о других вещах».
Пьер Бурдье
«Алжирские наброски»

Onur Erdur
Schule des Südens
Die kolonialen Wurzeln der französischen Theorie
© MSB Matthes & Seitz Berlin Verlagsgesellschaft mbH, Berlin 2024. All rights reserved
© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2026

Введение
На юге теории

Алжир, 1955: он мог бы просто отслужить во французской провинции. Но юный философ садится на корабль и направляется в Алжир. То, что Пьер Бурдье видит в стране, охваченной войной, потрясает его до глубины души: алжирское общество полностью оторвано от корней, лишено всякой опоры и загнано французами в лагеря. Собственное положение и факт своего присутствия на месте он переживает как нравственную коллизию, «первородный грех интеллектуала из страны колонизаторов» [1]. После прохождения военной службы Бурдье решает остаться в Алжире и приносить стране пользу: в разгар войны – чтобы засвидетельствовать окружающую его несправедливость – он начинает проводить социологические исследования. Алжирский опыт определит всё последующее научное творчество философа. Именно здесь зародится его знаменитая теория габитуса.

Париж, 1957: в отличие от большинства левых интеллектуалов своего поколения, поддерживавших алжирскую борь-

[1] **Цит. по:** *Schultheis F.* **Algerien 1960: Zur Genese der Bourdieuschen Theorie der gesellschaftlichen Welt // M. Steinrücke (Hg.). Pierre Bourdieu: Politisches Forschen, Denken und Eingreifen. Hamburg, 2004. S. 14–33, 18. –** *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. авт.*

бу за независимость, Альбер Камю, родившийся в Алжире, пока не готов принять чью-либо сторону. Его прежние посреднические призывы к мирному сосуществованию французов и алжирцев осуждались как либеральные. Оказавшись между колониализмом правых, антиколониализмом левых и террором ФНО (Фронта национального освобождения), Камю сознательно выбирает молчание. В Швеции, через два дня после вручения Нобелевской премии по литературе, на встрече со студентами от него потребовали объяснить свою позицию. В пылу полемики Камю сказал: «Я всегда осуждал террор. И я должен также осудить терроризм, который, например, бушует на улицах Алжира и может однажды поразить мою мать или мою семью. Я верю в справедливость, но прежде чем защищать справедливость, я буду защищать свою мать»[2]. Моралисту Камю долго не простят этих слов.

Тунис, 1968: вот уже два года Мишель Фуко живет в живописной приморской деревушке Сиди-Бу-Саид. Для него это место поистине магическое. Во время прогулки по берегу моря он приходит к давно искомому определению дискурса, а позднее – и к идее «других пространств». Тунис, похоже, в целом служит ему фоном для вдохновения: во время одного из прежних пребываний в этой стране на пляже Джерба (в Club Méditerranée – «Средиземноморском клубе») Фуко «набрел» на знаменитое положение из «Слов и вещей»: «человек исчезнет, как исчезает лицо, начертанное на прибреж-

[2] **Цит. по:** *Todd O.* **Albert Camus. Ein Leben. Reinbek, 1999. S. 754.**

ном песке»[3]. Фуко преподает философию в Тунисском университете, но в основном он занят собой. Он берет на себя обязательство каждый день становиться немного более спортивным и загорелым. В интервью газете *La Presse de Tunisie* он сказал: «Я приехал сюда из-за мифического образа Туниса, который все европейцы представляют себе сейчас: солнце, море, великая засушливость Африки»[4]. О неоколониальных условиях жизни в стране, которая уже десять лет независима, и о кровавом французском колониальном правлении в Северной Африке Фуко за всю свою жизнь ничего так и не скажет.

Эти три эпизода предельно далеки друг от друга. Речь идет о трех интеллектуалах, которые в трех разных местах и в трех несхожих жизненных ситуациях накапливали опыт и делали свой выбор. Но при всех различиях их объединяет некое общее начало, именно оно и составит предмет моего дальнейшего рассмотрения. В центре внимания – личное столкновение французских интеллектуалов с колониальными пространствами и обстоятельствами. То, что верно в

---

[3] *Фуко М.* **Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой; вступ. ст. Н. С. Автономовой. СПб.: A-cad, 1994. С. 404. Говоря точнее, 5 января 1965 года. Ср.:** *Defert D.* **Chronology // C. Falzon (Hg.). A Companion to Foucault. Hoboken, 2013. S. 9–83, S. 31.**

[4] *Foucault M.* **Die strukturalistische Philosophie gestattet eine Diagnose dessen, was "heute" ist // Schriften in vier Bänden. Dits et Écrits. Band 1: 1954–1969. Frankfurt/M, 2001. S. 743–749.**

отношении Бурдье, Камю и Фуко, справедливо и в отношении других известных французских философов и мыслителей второй половины XX столетия, это их «колониальная предыстория». Многие из них выходцы из французских колоний: так, например, кроме Камю, в Алжире родились Луи Альтюссер, Элен Сиксу, Жак Деррида и Жак Рансьер, в то время как Маргерит Дюрас появилась на свет во Французском Индокитае, а Ален Бадью – в Марокко. Другие на протяжении жизни подолгу жили в колониях или государствах-преемниках: Ролан Барт в Марокко, Бруно Латур в Кот-д'Ивуаре, Этьен Балибар, Симона де Бовуар и Жан-Франсуа Лиотар – в Алжире. Этот список без труда можно было бы дополнить другими именами и локациями. Суть остается та же: для них колониализм был неоспоримой биографической реальностью. Вопрос лишь в том, почему этот поистине поразительный колониальный ландшафт французской мысли так долго оставался без внимания.

Эта работа – своего рода интеллектуальное путешествие на юг французской теории. Пребывание в колониях и постколониях почти для всех героев этой книги было связано с ключевыми – освободительными и травмирующими – событиями, во многом определившими их жизненный путь, политические взгляды и теоретические труды. Чтобы понять масштаб этого влияния, следует проследить путь мыслителей к конкретным местам истории – к колониальной эпохе,

Алжирской войне, бывшим протекторатам Марокко и Тунису, независимому Алжиру, – но вновь и вновь нужно возвращаться в Париж – столицу империи и интеллектуалов[5]. Необходимо провести исследование, предполагающее своего рода реконструкцию обстоятельств: каким образом философы оказались вовлеченными в колониальные контексты? Что определяло эту вовлеченность? Как они действовали в этих условиях? И прежде всего: какое выражение пространственный опыт колониального нашел в их научных трудах и теоретических концепциях. Меня интересует вопрос соотношения опыта и теории: в какой мере пережи-

[5] **Книги, в которой рассматривались бы исторически и в совокупности те места, где разыгрывалась история, пребывали наши герои и происходили ключевые события, пока нет. Тем не менее в прошлом уже выходили работы, в которых проблематизировался тематический комплекс «Колониализм и французская философия» в основном с постколониальной точки зрения, однако при этом труды не отличались ни исторической проработкой, ни особой привязкой к конкретным местам. Это:** *Young R.* **White Mythologies. Writing History and the West. London, 2004;** *Ahluwalia P.* **Out Of Africa: Post-Structuralism's Colonial Roots. London; New York, 2010;** *Davis M. H.* **Algeria as Postcolony? Rethinking the Colonial Legacy of Post-Structuralism // Journal of French and Francophone Philosophy. 2011. Vol. 19. S. 136–152;** *Ott M.* **Welches Außen des Denkens? Französische Theorien in (post)kolonialer Kritik. Wien, 2018;** *Toscano A.* **The Name of Algeria: French Philosophy and the Subject of Decolonization // Viewpoint Magazine. 1.2.2018. Доступно онлайн: https://view pointmag.com/2018/02/01/name-algeria-french-philosophy-subject-decolonization/, дата обращения: 27.07.2026. Недавно было опубликовано подробное исследование истории французской социологии в колониальных контекстах:** *Steinmetz G.* **The Colonial Origins of Modern Social Thought. French Sociology and the Overseas Empire. Princeton, 2023.**

тый опыт должен сблизиться с интеллектуально-теоретическим, чтобы трансформироваться в него? Как возникает теория? Французская теория, как, пожалуй, ни одно иное философское течение XX века, сформировала тип мышления, направленный против тождества и в защиту различия, против центра – в пользу периферии, против гегемонии – в пользу меньшинств. В этой книге прослеживается генезис такого типа мышления – не в парижских библиотеках, а на пляжах Туниса и на улицах Алжира.

Кроме того, меня интересуют вопросы морали и справедливости, представленные в трех сценах выше, а также проблема ответственности во времена колониализма. Перед нами классические условия экспериментальной проверки интеллектуальной самопрезентации и тест на нравственность. По крайней мере со времен Эмиля Золя мыслители всегда выступали носителями морали, даже в спокойные времена. Но что произойдет с их публичными убеждениями, когда они встретятся с колониальной действительностью? Совершенно неважно, искали они этих встреч или нет, находились ли в колониях или в метрополии, сразу выразили свое отношение к властным притязаниям империи или спустя тридцать лет, принадлежали ли к поколениям Сартра или Фуко, – они все тем или иным образом сталкивались с нравственным вопросом: как следует относиться к политической и культурной экспансии, оставаясь при этом представителями французского государства, вооруженных сил, системы обра-

зования или европейского колониального населения. Этот мотив колониальной дилеммы красной нитью проходит через все дискуссии интеллектуалов. Кто-то действовал, кто-то был раздираем внутренними противоречиями, другие предпочитали молчать, но каждый стремился определить свою позицию. Если угодно, то их специфические способы решения колониального вопроса не что иное, как вариации единственного лейтмотива – вины и искупления. То, как именно каждый из философов справлялся с этой нравственной проблемой и к чему это приводило, также обсуждается в этой книге. Можно сказать, что здесь представлено своего рода учение о добродетели духа перед лицом колониальной несправедливости.

Если ясно обозначить основные предпосылки и тезисы данной работы, то я исхожу из следующего: возникновение теорий – и вообще приключения мысли – неразрывно связаны с опытом их создателей. Тем самым я вовсе не утверждаю, что теория и мышление сводимы к биографическим жизнеописаниям или что мыслители механически детерминированы социальными и политическими обстоятельствами. Но также ясно: теория возникает не в абстрактном безвоздушном пространстве, но в локальных, исторических и индивидуально постигнутых социальных контекстах. Как свидетели и акторы своих эпох, интеллектуалы постигают и формируют окружающий их мир, но также вовлекаются в

историю современных им обществ и проникаются ею. Своеобразие мыслителей – то, что, на мой взгляд, и делает их интересными объектами исследования, – связано не столько с уникальностью жизненных историй и опыта, сколько с тем, как они осваивают прожитый опыт, интерпретируют свое прошлое и социальную среду и как затем включают эти интерпретации в теоретические и политические проекты[6].

Для французских интеллектуалов второй половины XX столетия значительная часть исторической жизненной реальности состояла в опыте деколонизации. В целом под деколонизацией понимается глобальное разделение и формальная независимость европейских колоний после окончания Второй мировой войны. Для Франции деколонизация была почти самым долгим конфликтом XX века: тяжелый и кровавый исторический процесс, в ходе которого страна потеряла значительную часть колоний (четыре пятых своей территории), оказалась втянутой в изнурительные и в конечном итоге безуспешные войны (например, в Индокитае и Алжире) и погрузилась в глубокий кризис, положивший в 1958 году конец Четвертой республике. Такой коллапс привел государство к состоянию, подобному гражданской войне, которое продлилось до обретения Алжиром независимости

[6] **Здесь я следую за:** *Shatz A.* **Writers and Missionaries. Essays on Radical Imagination. London; New York, 2023. S. 4;** *Said E.* **Culture and Imperialism. New York, 1993. S. xxii.**

в 1962 году[7]. С крушением колониальной империи рухнула и многовековая универсалистская модель «цивилизаторской миссии». Эта влиятельная для французского республиканизма со времен Французской революции идея утверждала, что Франция призвана просвещать и «цивилизовать» покоренные народы, распространяя западные институты, ценности и культуру, и тем самым служить прогрессу человечества. Подобную идеологию вплоть до 1962 года формировали и поддерживали также широкие круги политических деятелей и интеллектуалов левого толка[8].

Первоначальные этапы становления французской теории точно относятся к эпохе деколонизации, и расцвет приходится на время после окончания Алжирской войны. В философии – например, Фуко, Деррида, Делёза и Лиотара – это момент, когда казавшиеся незыблемыми принципы классической (многие сказали бы: западной) мысли пошатнулись, а внутренние противоречия (многие сказали бы: различия) вышли на поверхность. Интеллектуалы поставили под сомнение традиционные представления об идентичности, власти, знании и языке – точно так же, как отвергли претензии

---

[7] **См. прежде всего:** *Blanchard P.* **u. a. Décolonisations françaises. La chute d'un empire. Paris, 2020;** *Anderson G.* **La guerre civile en France. Du coup d'État gaulliste à la fin de l'OAS. Paris, 2018;** *Blanc G.* **Décolonisations. Histoires situées d'Afrique et d'Asie. Paris, 2022.**

[8] **О влиянии деколонизации на социальную и политическую жизнь во Франции см.:** *Shepard T.* **The Invention of Decolonization. The Algerian War and the Remaking of France. Ithaca, 2006.**

Grande Nation (Великой Нации) на культурную гегемонию. Критическое мышление всегда носило антигегемонистский характер. Это проявлялось, например, в постструктурализме, который поставил под сомнение общепризнанные истины (в частности, идею устойчивой осмысленности мира) и выдвигал на первый план многослойность, контингентность и субверсивность смысла. Другой формой стал постмодернизм, диагностировавший смерть великих нарративов, прогрессистских политических идеологий, всеобще обязывающих ценностей и стремившийся покончить с модерном. Я утверждаю, что некоторые из этих теоретических инноваций тесно связаны с попыткой подвергнуть рефлексии и понять крушение определенного политического и культурного порядка во французском обществе. Чтобы выявить эту привязку и в ней исторически удостовериться, необходимо вернуться к истокам французской теории – туда, где в 1950–1960-х годах, то есть в разгар Алжирской войны и на этапе деколонизации, биографические судьбы, политическое сознание и теоретические вопросы взаимно формировали друг друга. В этом коллективном пространстве опыта возник колониальный способ мышления, сохранявшийся в различных теориях и переходивший от поколения к поколению. Он наложил глубокий отпечаток как на постструктуралистов и постмодернистов, так и на деконструктивистов и марксистов – вплоть до образования понятий и построения теорий. В самой простой форме мой тезис заключается в том, что ключе-

вые понятия и тексты французской теории невозможно понять вне колониального опыта границ и различий, пережитого ее основными фигурами.

Главы этой книги обосновывают приведенный тезис: отдельные эссе исследуют колониальные корни французской теории, каждое из них посвящено определенной личности, месту и моменту теоретической кристаллизации колониальной ситуации. При этом я отобрал и выделил тех деятелей, которые парадигматически представляют определенные интеллектуальные позиции и в символическом плане охватывают соответствующие тематические области. В силу исторических обстоятельств и биографических ссылок (за некоторыми исключениями) географический акцент сделан на Алжире. В главах книги не только воссозданы портреты интеллектуалов на фоне колониальной эпохи, но также посредством контекстуализации дано представление об истории французского правления. То обстоятельство, что главы достаточно самостоятельны и их можно читать независимо друг от друга, в первую очередь основано на убеждении, что различия между колониальной и постколониальной ситуациями, между отдельными теориями, между местами и временными периодами слишком велики, чтобы их можно было бы вместить в единое повествование. Представляется также важным различие между теми, кто сталкивается с колониальной ситуацией, и теми, кто имеет дело уже с толь-

ко что наступившей постколониальной. Так, алжирский контекст для еврейско-немецкой эмигрантки Элен Сиксу – не то же самое, что для Жака Рансьера, который, будучи ребенком алжирских французов, pieds-noirs («черноногих»), вырос в Париже. Жизненные пути и теории этих фигур обладают собственными формой и импульсом – и это следует признать.

Тем не менее в широком поле интеллектуальных жизненных путей обнаруживаются общие черты, которые я не хочу замалчивать, поскольку они могут служить читателю своеобразными ориентирами. Главы можно сгруппировать в четыре пары, каждая из которых отличается особыми признаками и акцентами. Первые две посвящены Пьеру Бурдье (1930–2002) и Жану-Франсуа Лиотару (1924–1998), в 1950-х оба уже находились в Алжире. Там, на раннем этапе жизни, они приобрели опыт, который оказал непосредственное влияние на их последующую карьеру, политические взгляды и теории. В третьей и четвертой главах мы следуем за Роланом Бартом (1915–1980) и Мишелем Фуко (1926–1984) в Марокко и Тунис соответственно. Бывшие французские протектораты предоставили двум близким друзьям пространство для гедонистического образа жизни, эротических приключений и новых творческих идей. Пятая и шестая главы посвящены Жаку Деррида (1930–2004) и Элен Сиксу (род. 1937), звездам деконструкции, родившимся в Алжире и имеющим ев-

рейские корни. Оба пережили противоречивый и даже травмирующий опыт взросления в колониальном Алжире, этот опыт оставил след в их идентичности, а также запечатлелся в самом способе философствования и письма. Седьмая и восьмая главы посвящены двум молодым представителям французской теории: Этьену Балибару (род. 1942) и Жаку Рансьеру (род. 1940). У обоих политическое пробуждение произошло во время парижских студенческих протестов против войны в Алжире (позже Балибар уехал в независимый Алжир). Хотя политические философии этих мыслителей оформились значительно позже, оба они вдохновлялись событиями, происходившими во время и после Алжирской войны.

Восемь главных героев моей книги – семь мужчин и одна женщина – входят в число ведущих умов французской теории. Несмотря на то, что зачастую они придерживались совершенно разных и даже конкурирующих подходов (структурализм, постструктурализм, деконструкция, постмодернизм), работали в разных дисциплинах (социология, философия, история, литературоведение), всех объединяло базовое философское образование и склонность к теоретическому мышлению. Непримиримость в теоретических вопросах и принадлежность к поколению создателей French Theory (французской теории) делают их значимыми объектами исследования. Вместе с тем фокус на этом «поколении теории»

задает и определенное ограничение: другие мыслители, такие как Жан-Поль Сартр, Симона де Бовуар, Альбер Камю, Франц Фанон, Жермен Тийон и Раймон Арон, также высказываются или эпизодически появляются на страницах книги, однако отдельные главы им не посвящены.

Время расцвета французской теории, по-видимому, сегодня уже давно позади. Получив мировое признание во второй половине XX века в форме структурализма, постструктурализма, деконструкции и постмодернизма, сейчас она всё больше впадает в немилость. Основная критика, прежде всего со стороны постколониального направления, заключается в том, что французская теория так и не сумела по-настоящему преодолеть изначально поставленную ею самою проблему европоцентризма, а вопросы колониализма при этом почти не сыграли роли. Несмотря на то, что французские философы обращались к теоретическим вопросам тождества, различия и инаковости, они либо не замечали реальных форм несправедливости, либо предпочитали игнорировать антирасистские движения[9]. В этой критике отчасти содержится обвинение белых невежественных французов-ко-

[9] **Элементы этой постколониальной критики можно найти в:** *Young*. **White Mythologies;** *Ott*. **Welches Außen des Denkens?;** *Stoler A. L*. **Colonial Aphasia: Race and Disabled Histories in France // Public Culture. 2011. Vol. 23. S. 121–156;** *Mbembe A*. **Frankreich provinzialisieren? // S. Conrad u. a. (Hg.). Jenseits des Eurozentrismus: Postkoloniale Perspektiven in den Geschichts- und Kulturwissenschaften. Frankfurt/M, 2013. S. 224–263, здесь S. 227.**

лонистов. Отчасти это может быть справедливо, отчасти нет. Я не разделяю многие из этих позиций, поскольку они слишком упрощают картину и не выдерживают исторической проверки, но в отдельных местах – там, где возникает критика и где она направлена на конкретного человека, – я всё же обсуждаю ее.

И напротив – на страницах газет и в современных политических дебатах французская теория подвергается критике совершенно иного рода. Уже достаточно долгое время и правые, и левые обвиняют французскую философию в том, что она несет идеологическую ответственность за такие современные явления, как Cancel Culture, Wokeness и «политика идентичности». Главные представители французской теории, такие как Деррида и Фуко, виновны в догматизме политики идентичности, поскольку именно они выдвинули идеи и концепции, которые впоследствии были использованы воук-активистами и активистами постколониализма, а также последователями гендерных исследований <…> и критической расовой теории в качестве средств поддержки запретов на свободу слова и мысли[10]. Эта критика, на мой взгляд, абсурдна и искажает действительность, но она очень сильна в политическом плане. Ей посвящена отдельная глава в конце

[10] *Pluckrose H., Lindsay J.* **Zynische Theorien. Wie aktivistische Wissenschaft Race, Gender und Identität über alles stellt – und warum das niemandem nützt. München, 2022. Для знакомства с критикой со стороны левых см.:** *Neiman S.* **Links ist nicht woke. München, 2023.**

книги.

И еще одно – последнее – замечание об актуальности. Главы этой книги в общем и целом посвящены темам, которые (вновь) волнуют нас сегодня: вопросам национальной, культурной и языковой идентичности (и ее присвоения), а также вопросам колониализма, расизма, экзотизма и сексизма. В этом отношении – как в позитивном, так и в критическом плане – они предлагают исторический иллюстративный материал, а также ориентиры для понимания констелляций сегодняшних проблем. Речь, в частности, идет об осознании того, что ряд вопросов и событий колониального периода или времен Алжирской войны остаются нерешенными. Они на десятилетия вытесняются, становятся своего рода колониальной амнезией и продолжают оказывать влияние на значимые сферы французского общества и политики – от колониального ревизионизма крайне правых и игнорирования недовольства в предместьях до полицейского насилия в отношении потомков иммигрантов из колоний[11].

Однако актуальность достигается не только за счет раскрытия генеалогий и латентностей. Именно упомянутое выше учение о добродетелях духа, возможно, формулирует

[11] **О колониальной амнезии и наследии колониализма во французском обществе см.:** *Stora B.* **La gangrène et l'oubli. La mémoire de la guerre d'Algérie. Paris, 1991;** *Blanchard P.* **u. a. (Hg.). La fracture coloniale. La société française au prisme de l'héritage colonial. Paris, 2005.**

ключевой вопрос для диалога с современностью: какие уроки – как положительные, так и отрицательные – можно извлечь из колониального опыта французских интеллектуалов? Философы много путешествовали и писали, постоянно исследуя собственную роль в колониальном обществе, размышляя о развращающем влиянии господствующей системы, распаде ценностей, утрате политической легитимности и ограничениях европоцентризма. Хотя одни делали это более решительно, чем другие, в динамике их противостояния колониальному порядку ощущается обращенное к каждому нравственное требование: не закрывать глаза на существующую несправедливость, на страдания и жертвы, к которым привел колониализм, и вместе с тем найти взвешенный путь, позволяющий направить этот исторический опыт в теоретическое и политическое русло. Я не думаю, что это автоматически сделает мыслителей образцом для подражания и моральным ориентиром в современном мире – для этого некоторые из их реакций, слепых зон, запутанных ситуаций и мужских фантазий слишком проблематичны, и я не буду скупиться на критику (там, где сочту это необходимым). Тем не менее я придерживаюсь точки зрения, что в ходе своего взаимодействия с колониализмом французские интеллектуалы пришли к теоретическим открытиям и политическим позициям, достойным документации и рассказа о них. Сегодня эти открытия помогают нам понять, что значит философствовать во времена господствующей несправедливости.

1
Алжирский роман воспитания. Пьер Бурдье

В жизни молодых людей бывают особые – словно бесконечные – летние месяцы, которые формируют личность и сопровождают человека на протяжении всей жизни. Такое лето 1958 года запечатлела французская писательница и лауреат Нобелевской премии Анни Эрно в своей книге «Память девушки»: «Это было лето без погодных аномалий, лето, когда вернулся к власти генерал де Голль, лето „тяжелого франка“ и Новой республики, лето, когда Пеле стал чемпионом мира по футболу, а Шарли Голь победил в велогонке „Тур де Франс“, и везде играла песня Далиды „*Моя история – история одной любви*“»[12]. Эрно рассказывает о пребывании в летнем лагере, о девушке – такой, какой она была в то время, о своем первом сексуальном опыте, о свободе и страсти, о бессилии и стыде – и в то же время о восприятии политических событий. В свои воспоминания о 1958 годе она также вплетает Алжирскую войну: «А еще тем летом тысячи солдат уехали наводить порядок в Алжире, причем многие из них впервые покинули родную страну. Они писали де-

[12] **Выделено курсивом в оригинале.** *Эрно А.* **Память девушки / пер. М. Красовицкой; ред. Т. Петухова. М.: No Kidding Press, 2022. С. 11.**

сятки писем, рассказывали про жару, про джебель, про дуары, про неграмотных арабов, которые после ста лет оккупации не говорят по-французски. Они присылали фотографии, где хохочут в шортах с друзьями на фоне сухого скалистого пейзажа. Точно бойскауты в походе; можно было подумать, что они на каникулах»[13]. Многим французским солдатам алжирская кампания действительно могла показаться экзотическими «каникулами в шортах». Так, например, бывший президент Франции Жак Ширак называл годы своей службы младшим лейтенантом в Алжире «самыми захватывающими в жизни»[14]. В этом утверждении, сделанном в 1978 году, несомненно, была значительная доля правды, однако обстоятельства его пребывания во многом замалчивались. С 1954 по 1962 год в Алжире шла борьба за независимость, это была одна из самых кровопролитных антиколониальных войн XX века. По оценкам, в ней погибло более миллиона человек. Для Франции эта североафриканская страна была чем-то бóльшим, чем просто колонией. Алжир, где проживало около миллиона европейских поселенцев, считался продол-

---

[13] **Там же. С. 12. Джебель – арабский термин, как правило означающий «гора» или «горный хребет». В данном случае «дуары», вероятно, означает «палаточные лагеря».**

[14] *Chirac J.* **Entretien avec Dominique Ottavioli et Guy Lagorce // Paris Match. 24.2.1978. Цитата приводится по переводу:** *Eckert A.* **Probelauf für einen öffentlichen Intellektuellen // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 22.9.2010. Приведенное ниже описание Алжирской войны частично основано на данных Эккерта.**

жением Французской Республики по другую сторону Средиземного моря. «L'Algérie, c'est la France» («Алжир – это Франция») – таков был девиз министра внутренних дел тех времен Франсуа Миттерана. Алжирское национально-освободительное движение во главе с ФНО необходимо было подавить любыми средствами: принудительные переселения, пытки, изнасилования и массовые казни стали рутиной. При этом во Франции о терактах ФНО и случаях насилия со стороны французской армии было известно очень мало. Это было связано в том числе с эвфемистической фразеологией властей: действия армии называли «мерами по поддержанию общественного порядка». Так, вооруженный конфликт еще многие годы после своего завершения оставался в памяти «войной без имени». При этом в период с 1954 по 1962 год военную службу в Алжире прошли в общей сложности более двух миллионов молодых французов. Было мобилизовано полмиллиона солдат, десятки тысяч из них погибли в бою[15].

Пьер Бурдье также относился к числу военнослужащих с опытом Алжирской войны. Ему было двадцать пять лет, когда в 1955 году он только-только завершил свое философское обучение и его призвали. Служба в Алжире оставила

[15] **Согласно Национальной федерации бывших комбатантов в Алжире (Fédération Nationale des Anciens Combattants en Algérie). См.:** *Yacine*. **Ethnosoziologie. S. 36. Об истории войны в Алжире см.:** *Thénault S.* **Histoire de la guerre d'indépendance algérienne. Paris, 2005.**

в душе молодого философа глубокий след. То, что Бурдье увидел в охваченной войной стране, потрясло его настолько, что после военной службы он решил остаться в Алжире. Бурдье стремился понять, что именно здесь происходит, как колониализм и война повлияли на алжирское общество, хотел испытать на деле, что значит занимать активную политическую позицию и приносить пользу. Безусловно, он искал способы так или иначе раскрыть себя. К концу своего пятилетнего пребывания философ превратился в социолога, у него уже были идеи и материалы, которых хватит на целую жизнь исследователя. Он также стал политическим мыслителем и поставил перед собой задачу: отныне отдавать обществу, в котором он живет, приобретенные о нем социологические знания.

Когда Бурдье, уже известного во всём мире социолога, в одном из последних интервью незадолго до смерти в 2002 году спросили, какую роль в его развитии как личности и мыслителя сыграло пребывание в Алжире, он ответил, что Алжир помог ему «принять самого себя»[16]. Даже для самого Бурдье это были поразительные слова. Он никогда не скрывал ни своего пребывания в Алжире, ни глубокой привязанности к этой стране, но о масштабе алжирского вли-

[16] *Bourdieu P.* **Bilder aus Algerien // In Algerien. Zeugnisse der Entwurzelung, herausgegeben von Franz Schultheis und Christine Frisinghelli. Graz, 2003. S. 23–51, 48.**

яния на свою жизнь заговорил лишь в последние два года жизни, прежде всего в книге «Эскиз к самоанализу»[17] («Esquisse pour une autoanalyse»), которая вышла уже после смерти мыслителя. Что же стояло за этими словами? Не здесь ли ключ к пониманию жизни и творчества социолога, позволяющий связать развитие его теорий с личным опытом Алжирской войны?

Солдат в библиотеке Бурдье мог бы обойти тему войны стороной. Возможностей для этого у него было более чем достаточно. Как у недавнего выпускника знаменитой парижской элитной Высшей нормальной школы (ВНШ), у него была привилегия посещать школу офицеров запаса. Обязательная в то время, длившаяся два года военная служба прошла бы при этом сравнительно спокойно: служба в Алжире для выпускников ВНШ, имевших перспективы классической карьеры в высших учебных заведениях, не была принудительной. Бурдье даже мог совершенно спокойно продолжать писать начатую под руководством философа Жоржа Кангилема докторскую диссертацию «Темпоральные структуры аффективной жизни». Однако он отказался от посещения школы офицеров, поскольку «не мог вынести мысли, что пришлось бы быть кем-то иным, чем простым солдатом»[18]. Наслаждаться привилегированной жизнью слушателя акаде-

[17] *Bourdieu P.* **Ein soziologischer Selbstversuch. Frankfurt/M, 2002.**

[18] **Ibid. S. 46.**

мии вместе с другими кандидатами в офицеры, в то время как простых солдат – зачастую сыновей крестьян и рабочих без высшего образования – отправляли в Алжир, – это не вписывалось в ценности Бурдье, тем более что он сам был выходцем из простой небогатой семьи. С самого начала для него была характерна ярко выраженная чувствительность к тонким социальным различиям – признак его более поздних научных работ. Можно было вывезти юношу из пиренейской деревни, но нельзя было вывести пиренейскую деревню из юноши.

Разумеется, двигало им не только «тайное чувство вины за то, что он разделял праздность юных буржуа», но прежде всего отрицательное отношение к колониальной войне [19]. Во время трехмесячной начальной подготовки в Шартре такое неприятие действительно вызвало недовольство его начальства. Однако дисциплинарные меры оставались довольно мягкими: так, Бурдье каждое утро обязан был при произнесении его имени выходить из строя и лично перед всем построением получать *Express*, периодическое издание, которое в те годы отстаивало прогрессивную политику в отношении Алжира и которое по наивности выписывал Бурдье. Серьезные последствия возникли для него лишь на следующем этапе – в психологической службе сухопутных войск в Версале. Там дело дошло до яростных столкновений с вы-

[19] **Ibid. S. 47.**

сокопоставленными офицерами, которые все как один пытались склонить юного философа на сторону «французского Алжира». Но Бурдье не поддавался этим уговорам. Более того, он сомневался в самой законности французского присутствия в Алжире, сомневался настолько, насколько это было вообще возможно в рамках военной службы. Но этого хватило, чтобы его отправили служить в Алжир, – горькая ирония: противника войны посылали на «войну без названия».

Знал ли Бурдье, через что ему предстоит пройти, когда в октябре 1955 года он поднимался на борт военного корабля, отправляющегося в Алжир? Уже по пути он, должно быть, понял, с каким мировоззрением столкнется в Алжире и что со своей позицией он вряд ли чего-то добьется, по крайней мере среди солдат. Еще некоторое время Бурдье пытался повлиять на солдат политически, рассказывая о предстоящем восстании против абсурдной политики «усмирения», таким образом стараясь раскрыть им глаза. Но все разговоры были напрасны. Товарищи ни в коей мере не разделяли его политических взглядов. Более того, им казалось подозрительным, что этот философ, в противоположность другим учащимся военной академии, которые также были на борту, не носил офицерской формы. Рекруты, скорее, охотно слушали рассказы старших товарищей о прошедшей (проигранной) войне в Индокитае и пытались уяснить военные ошибки, которые ни в коем случае не должны повториться. На службу,

кроме того, настраивались, обмениваясь расхожими – специально для врага подобранными ругательствами. Еще до того как ступить на алжирскую землю, рекруты осваивали практически весь повседневный словарь расизма[20].

Первым местом службы Бурдье была долина Челифф, расположенная в ста пятидесяти километрах к западу от Алжира, где юный философ был зачислен в состав наземного персонала подразделения ВВС. Его полк должен был в основном охранять авиабазы и другие стратегические объекты, такие как склады взрывчатых веществ. Низшие задачи, соответствующие его званию, и ночные караулы были столь изнурительными, что Бурдье с трудом переносил избранную им самим участь и попросил о переводе. После шести месяцев такой службы в начале 1956 года он был направлен в генерал-губернаторство в Алжире – по ходатайству полковника Докурно, высшего офицера, происходившего из Беарна, родины Бурдье. Родители Бурдье связались с ним через членов его семьи, живших в соседней деревне. Докурно руководил службой информации и документации в генерал-губернаторстве, и Бурдье отныне было разрешено исполнять там обязанности писаря: печатать письма и составлять отчеты.

Чтобы избежать службы с оружием в руках, многие ин-

[20] **Выражения, которые здесь воспроизводятся, можно найти в:** *Bourdieu P.* **The Algerian Landing // Ethnography. 2004. Vol. 5. S. 415–443, 416.**

теллектуалы-призывники поколения Бурдье пытались устроиться в Алжире на гражданские должности – повара, шофера, учителя или писаря. Например, Жак Деррида не мог воспрепятствовать назначению в страну своего рождения, но выбрал меньшее из зол, устроившись в провинциальную школу учителем[21]. Однако та удача, которая позволяла интеллектуалам не участвовать напрямую в боевых действиях и не брать на себя ответственность за военное насилие, не избавляла их ни от мук совести, ни от вопросов собственной вины. По большей части все они были против войны, но служба в армии всё равно ставила их на сторону колониального режима. Бурдье переживал конфликт между собственными политическими убеждениями и теми, которых требовали от него армейская и государственная служба, как нравственную дилемму и даже как «первородный грех интеллектуала из страны колонизаторов» [22].

Такое самовосприятие возникло не случайно: после перевода Бурдье неожиданно оказался в центре колониального господства. Генерал-губернаторство было местом высокой политики – соединением гражданской колониальной администрации и военного штаба. Губернатор Алжира был выс-

[21] **См.:** *Yacine*. **Ethnosoziologie. S. 38;** *Stora B*. **Appelés en Algérie. Paris, 1997. S. 45.**

[22] **Цит. по:** *Schultheis F.* **Algerien 1960: Zur Genese der Bourdieuschen Theorie der gesellschaftlichen Welt // M. Steinrücke (Hg.). Pierre Bourdieu: Politisches Forschen, Denken und Eingreifen. Hamburg, 2004. S. 14–33, 18.**

шим представителем Франции в Алжире, назначался в Париже и обладал широчайшими полномочиями, особенно после того как правительство под руководством премьера-социалиста Ги Молле в декабре 1955 года запретило созыв алжирского парламента. После введения военного положения именно французские военные при одобрении губернаторов Робера Лакоста и Жака Сустеля стали определять ход событий в генерал-губернаторстве. Последний представлял собой особо интересный случай: Сустель, изначально высокоуважаемый этнолог, известный своей умеренной позицией, в ходе войны на посту губернатора превратился в фанатичного сторонника войны и открытого симпатизанта алжиро-французских фашистов. Однако при Сустеле генерал-губернаторство было и центром духовной жизни в Алжире. Сюда приезжали высокопоставленные чиновники, ученые и интеллектуалы. Здесь же была одна из лучших библиотек в стране, что свидетельствует о том, какое значение колониальная политика придавала знаниям и образованию.

Здесь, в библиотеке генерал-губернаторства, Бурдье нашел для себя личный выход из запутанного положения или, по крайней мере, возможность «сделать себя полезным», несмотря на собственную вовлеченность в «колониальную ситуацию»[23]. Работа в службе информации и документации

[23] *Bourdieu P.* **Soziologischer Selbstversuch. S. 48. Термин «колониальная ситуация» восходит к размышлениям французского антрополога**

не требовала от него многого, так что бóльшую часть оставшегося срока военной службы (с весны 1956 года по осень 1957-го) он провел в библиотеке. Бурдье хотел понять алжирское общество и поэтому читал прежде всего этнологическую литературу. Однако то, что он в ней обнаружил, изобиловало колониальными и расистскими клише. Работам недоставало прочной основы для подлинного понимания общества и механизмов его функционирования. И эти пробелы честолюбивый двадцатишестилетний философ без социологического образования захотел восполнить в рамках гражданского «акта политического воспитания»[24]. Он хотел адресовать свой труд множеству французов у себя на родине, которые – были ли они левыми или правыми, против войны или за нее – знали Алжир крайне плохо, но при этом охотно позволяли себе необдуманные суждения. А поскольку многие алжирцы, прошедшие через французскую школьную систему, сами не обладали глубокими знаниями об общественном устройстве своей страны, Бурдье полагал, что необходимо написать небольшую страноведческую книгу, которая рассказала бы об истории и обществе Алжира, но прежде

Жоржа Баландье. В 1950-х годах он был первым, кто попытался социологически и аналитически описать особенности колониальных обществ. Ср.: *Balandier G.* **La situation coloniale. Approche théorique // Cahiers internationaux de sociologie. 1951. Vol. 1. S. 44–79. Историю возникновения этого теоретического концепта см. в:** *Steinmetz***. The Colonial Origins of Modern Social Thought.**

[24] **Ibid.**

всего – о живущих там людях.

«Социология Алжира» вышла в 1958 году, вскоре после окончания военной службы Бурдье. Будучи солдатом, он, разумеется, не мог и думать о публикации[25]. Эта книга, первая монография Бурдье, была включена парижским издательством Presses universitaires de France в престижную серию «Que sais-je?» («Что я знаю?»), рассчитанную на широкую аудиторию, но ориентированную при этом на уже признанных ученых. В соответствии с его главной задачей – сделать эту страну и ее жителей ближе французам – книга выстроена как мозаичный обзор общества: из шести глав первые три посвящены традиционным обществам кабилов, шауйя и мозабитов, одна – арабоязычному населению, еще одна – общим для этих четырех групп культурным и экономическим особенностям, а последняя – французско-европейскому колониальному обществу.

Книга оказалась довольно провокационной. Одно только объединение разрозненных групп населения в единую социологию Алжира было нарушением табу. Любой, кто ранее говорил об алжирском обществе, подразумевал всегда французско-европейских переселенцев. Традиционные общества и арабское население систематически исключались из современных социологических исследований как «недо-

[25] *Bourdieu P.* **Sociologie de l'Algérie. Paris, 1958.**

развитые» или «чуждые» группы. Если им и уделялось внимание, то лишь в рамках дисциплинарного разделения труда – как объектам этнологических или ориенталистских исследований. Непринужденно называя свое страноведческое исследование «Социология Алжира» и включая в него все группы населения, Бурдье уже одним этим жестом заранее признавал алжирское общество существующим, подводил колонизаторов и колонизированных под одно родовое понятие и демонстрировал возможность их совместного исследования. В эту небольшую, гражданско-просветительскую книгу, лишенную в период высшей фазы войны каких-либо прямых политических суждений, Бурдье сумел таким способом встроить несколько острых социологических диагнозов французского колониального господства в Алжире, раскрыть которые подробнее он смог лишь в более поздних работах. Речь шла о том, что изначальные механизмы существования кабилов разрушаются, капиталистическое колониальное хозяйство опустошает экономику автохтонного населения, колониальное общество функционирует как кастовая система, базирующаяся на происхождении, и изначально превращает колонизированных субъектов в чужих, которые затем отчуждаются еще больше, а война уничтожает самодостаточную и значимую цивилизацию[26].

За такое нарушение табу, сопровождавшееся многочис-

[26] *Bourdieu.* **Sociologie de l'Algerie. S. 114 f, 123.**

ленными уколами в адрес колониального механизма, Бурдье пришлось поплатиться, причем самым непосредственным образом. Прежде всего, колониальная этнологическая клика, обосновавшаяся в Алжире, восприняла появление книги как оскорбление. В письме к историку Андре Нуши, одному из немногих дружественных ему французских ученых в Алжире, почти сразу после выхода книги Бурдье писал, что он «еще никогда не чувствовал себя столь изолированным, как сейчас» и что подобное отношение явно связано с «его книжечкой» – «Opus minimum», как он любил выражаться. В Алжире к нему относились с жалостью и агрессией, причем последняя явно преобладала. Бурдье настроил против себя всё колониальное сообщество. Оно пренебрежительно смотрело на молодого философа, закончившего ВНШ, и противника войны как на «мальчишку из метрополии, который возомнил, будто что-то смыслит в делах Алжира». Сам Бурдье рассчитывал скорее на признание в узком научном кругу, однако позднее с досадой отмечал в письмах, что с этой своей «книжечкой» избрал неудачную стратегию аутсайдера – настолько неудачную, что ему то и дело казалось: всё написанное не стоит ровным счетом ничего, и лучше бы в это время он спал. Бурдье и сам видел, что книга не отличалась научной убедительностью. Она почти целиком была основана на библиотечных чтениях и не вполне соответствовала задуманному им социологическому модусу опи-

сания[27]. «Несмотря на все промахи, – убеждал себя Бурдье в письме к Нуши, – у меня было ощущение, что я сделал что-то полезное»[28].

Гипертрофированное либидо. Однако ему предстояло еще сделать много полезного. То, что изначально мыслилось как небольшой публицистический эпизод, неожиданно получило совершенно новое развитие. Вместо того чтобы, как планировалось изначально, после окончания военной службы покинуть Алжир, вернуться во Францию и там возобновить прерванную работу над докторской диссертацией по философии, рассчитывая в дальнейшем на карьеру преподавателя в высшей школе, Бурдье решил иначе. Еще до публикации «Социологии Алжира» он остался в этой стране, чтобы продолжить на месте этнологическую и социологическую деятельность. Осенью 1957 года он получил в университете Алжира место ассистента по философии и социологии. Теперь он был уже не подневольным призывником, а университетским преподавателем, живущим в стране и занимающимся

---

[27] **При ближайшем рассмотрении само по себе провокационное построение глав оказывается в высшей степени культуралистским, поскольку Бурдье сводит социальную структуру Алжира к этническим группам. Так он воспроизводит многовековую научную традицию дисциплинарного разделения труда, которую сам же и критиковал: этнология отвечает за традиционное общество, ориентализм – за арабское, а социология – за современное европейское общество.**

[28] **Эту цитату и все предыдущие цитаты из «Письма к Андре Нуши» см. в:** *Bourdieu.* **Algerische Skizzen. S. 489–493.**

исследованиями по собственной воле.

Университет Алжира был в те времена – за небольшим исключением – прибежищем для реакционных и фашистских движений, начиная с учащихся и заканчивая профессорами[29]. В отличие от университетов метрополии, он скорее был отражением местной колониальной системы с ее собственными иерархиями и практиками назначений. Университетом, по сути, распоряжались несколько семейных династий, деливших власть между собой. Это профессорское колониальное сообщество состояло по преимуществу из арабистов и ориенталистов. Как эксперты по региону, они занимались соответствующими дисциплинами – этнологией, языками, культурами – в духе чистой колониальной науки и при этом рассуждали откровенно расистски. Поэтому неудивительно, что сопротивление, о котором Бурдье писал в письмах Андре Нуши по поводу выхода своей книжки, исходило прежде всего от Университета Алжира. Многие ученые, работавшие здесь, были патриотически настроенными алжирскими французами, не терпящими инакомыслия. Немало из них в ходе войны даже стали сторонниками OAS (Organisation de l'armée secrète, Секретной вооруженной организации) – подпольного военизированного движения, которое с 1958 года с помощью террористических актов выступало против поли-

[29] **Об Алжирском университете как отражении колониальной алжирской действительности см.:** *Yacine*. **Ethnosoziologie. S. 27.**

тики де Голля в отношении Алжира и боролось за сохранение колониального статус-кво.

Так что новую университетскую должность Бурдье точно не мог назвать тихим местом работы. В университете царила накаленная атмосфера устрашения и насилия, прежде всего со стороны правых студентов. Почти все политики, организации и группы, во Франции относящиеся к правым националистам, во время войны основали свой лагерь в Алжире и завязали тесные отношения со студенческой средой – среди них был и будущий основатель «Национального фронта» Жан-Мари Ле Пен[30]. Кто думал об университете иначе и открыто это высказывал, быстро попадал под прицел правых экстремистов. Так, историк Андре Мандуз по «соображениям обеспечения безопасности» был уволен из университета, после того как правоэкстремистские студенты решили линчевать его за выступления в поддержку независимости Алжира[31]. Наиболее широкий резонанс вызвало дело математика Мориса Одена: в 1957 году, во время «Битвы за Алжир», этот коммунистический активист и сторонник ФНО был арестован десантниками и замучен до смерти[32]. На Бурдье в университете оказывали давление иного рода: ему часто предлагали обсуждать другие темы или просто держать

[30] **Ibid. S. 27.**

[31] **Ibid. S. 29.**

[32] **См.:** *Vidal-Naquet P.* **L'Affaire Audin. Paris, 1958.**

рот на замке. Бурдье понимал, что для университетских авторитетов и правых он был «колючкой в глазу». Вскоре после военного переворота в мае 1958 года один из его студентов сообщил ему, что он числится в «красном списке» путчистов – списке неугодных лиц, которых следовало «нейтрализовать»[33].

Не менее рискованными были и дальние поездки, которые Бурдье предпринимал во время университетских каникул в отдаленные и частично охваченные боевыми действиями районы Алжира. Именно они стали главной причиной его продолжительного пребывания в стране. Бурдье надеялся подкрепить свою прежнюю работу дополнительными эмпирическими данными из первых рук – заняться полевыми исследованиями. К тому времени он уже начал работать в алжирском филиале французского статистического управления INSÉE (Национального института статистики и экономических исследований), что способствовало проведению полевых исследований. Руководитель этого частично независимого объединения социолог Ален Дарбель официально одобрил работу Бурдье. Заказанные исследования представляли собой в первую очередь статистические опросы и анализ сельского мусульманского населения Алжира. Вместе с командой сотрудников института Бурдье ездил по алжирской провинции, составлял анкеты и карты, организовывал

[33] *Bourdieu.* **Soziologischer Selbstversuch. S. 61 f.**

выборочные опросы, проверял данные о рождаемости, анализировал работу школ и социальных учреждений, проводил исследование потребления. Новые данные потрясли его: в рамках французских программ переселения около четверти мусульманского сельского населения было депортировано в заново созданные деревни и поселения. Бурдье увидел алжирское общество заключенным в лагеря, обедневшим и оторванным от корней.

Параллельно, насколько позволяла работа служащего статистического бюро, Бурдье занимался своими этнографическими исследованиями, благо сам факт пребывания в полевых условиях способствовал такой деятельности. Он проводил интервью с кабильскими крестьянами и вождями племен, незаметно записывал разговоры на рынке, отмечал местные языковые особенности и коды поведения, документировал ритуалы и отношения родства, подготавливал наброски наиболее характерных построек и прежде всего делал множество фотографий местности, людей и объектов – в конце его пребывания накопилось около трех тысяч изображений, которые он снял на свою камеру Zeiss, приобретенную в ГДР[34].

[34] **О фотографиях и их создании см.:** *Bourdieu P.* **In Algerien. Zeugnisse der Entwurzelung; Frisinghelli Ch. Anmerkungen zu den fotografischen Dokumentationen von Pierre Bourdieu // Bourdieu. In Algerien. Zeugnisse der Entwurzelung. S. 217–230;** *Brohm H.* **Diagramm und Fotografie als Praxis des Visuellen. Pierre Bourdieu // J. Probst, J. P. Klenner (Hg.). Ideengeschichte der**

Бурдье с головой ушел в работу, стремясь проводить в поле как можно больше времени и, подобно губке, впитывать всё, чему становился свидетелем. Он отдавался этой деятельности с неистовой, не знающей передышки страстью, порой почти на грани одержимости: в полевых условиях его день начинался в шесть утра и, как правило, заканчивался далеко за полночь[35]. Бурдье описывал свой настрой того времени как «несколько гипертрофированное *libido sciendi*[36]». Жажда знаний подпитывалась из двух источников: «страсти ко всему, что с этой страной и ее людьми» связано и «потаенного и неустранимого чувства вины и возмущения при виде столь многих страданий и столь страшной несправедливости»[37]. Страсть и, возможно, даже идентификация себя со страной и людьми, вместе с чувством вины, возмущения и сознанием необходимости держать ответ, – таково было то поразительное смешение чувств, которое питало стремление Бурдье узнать об Алжире как можно больше.

Какими бы ни были мотивы, в душе философа уже явно пробудилась нравственная рефлексия. Иначе как объяснить

Bildwissenschaft. Siebzehn Porträts. Frankfurt/M, 2008. S. 197–218.

[35] **См.:** *Bourdieu.* **Algerian Landing. S. 429.**

[36] **Похоть познания** (*лат.*)**, см.:** *Bourdieu.* **Soziologischer Selbstversuch. S. 55. Выделено курсивом в оригинале.**

[37] **Ibid.**

то, что в 1959 году, то есть в разгар алжирских полевых исследований, Бурдье задумал написать проникнутый несколько экзистенциалистским настроением текст о Мольере под названием «Тартюф, или Драма веры и лицемерия»[38]. Самая первая статья, не содержащая явных отсылок к Алжиру, рассматривает тему человеческого лицемерия и связанные с ним вопросы совести на примере одного из наиболее известных персонажей французской литературы. Речь идет о небольшом упражнении в нравственной философии. Однако этот текст – учитывая место его возникновения – можно рассматривать и как интимное размышление о моральных издержках, которые налагают на человека колониализм и война. Вопросы идентичности, вины и морали, несомненно, были важным сопутствующим обстоятельством и побудительным импульсом для научного рвения Бурдье. Но не стоит чрезмерно заострять внимание на аффективных структурах, иначе можно упустить другие, менее патетические рамочные условия появления научного знания. Существовали и другие, иначе обусловленные причины, о которых Бурдье в то время и позднее говорил сравнительно мало. То, что из личного, радостного и слегка лихорадочного познавательного порыва за малый отрезок времени сложилось эмпирическое социально-научное знание, стало возможным лишь бла-

[38] *Bourdieu P.* **Tartuffe ou le drame de la foi et de la mauvaise foi // Revue de la Méditerranée. 1959. Vol. 92/93. S. 453–458. Ср.:** *Rey T.* **Bourdieu on Religion. Imposing Faith and Legitimacy. London, 2007. S. 59 f.**

годаря факторам, связанным уже не столько с самим Бурдье и его эмоциональным строем, сколько с научным контекстом и колониальной ситуацией на месте.

Бурдье – как и другие ученые до и после него – оказался продолжателем давней традиции колониального производства знаний. Колонии с самого начала играли важную роль в истории формирования таких дисциплин, как этнология и социология, которые с самых первых своих шагов в качестве так называемых колониальных наук часто добровольно поступали на службу имперских властей. Даже после того как обе дисциплины, постепенно обретая научную автономию, сумели освободиться от государственной эксплуатации, колониальные территории по-прежнему оставались излюбленным полем для социальных исследований. Так, между 1945 и 1960 годами около трети французских социологов работало в колониях (и для колоний). И прежде всего Алжир – в силу его близости и неопределенности статуса для переселения с принадлежностью к французской республике – служил для современных социальных наук своего рода открытой общественной лабораторией, будь то в этнологическом отношении или же в смысле государственных проектов развития и модернизации, которые разрабатывались для страны французскими учеными и инженерами[39].

[39] **Ср.:** *Steinmetz G.* **Soziologie und Kolonialismus. Über die Geburt der Soziologie aus der kolonialen Erfahrung // Mittelweg. 2020. Vol. 36, 29. S. 57–78;**

В Алжире Бурдье мог рассчитывать на поддержку целого ряда колониальных институций: генерал-губернаторства, университета, службы статистики. Обладая всевозможными социальными привилегиями как француз, он нашел здесь почти идеальные условия для работы, а также ресурсы, которые обеспечили ему быстрое и относительно автономное освоение таких сложных дисциплин, как этнология и социология. Это был немаловажный фактор, так как Бурдье имел лишь философское образование, соответственно, ему нужно было не просто срочно восполнять пробелы в знаниях, но и делать это без лишней шумихи и дополнительного обучения на родине – в Париже. Наконец, не стоит забывать, что сама научная территория, которая оказалась столь щедрой на материалы и позволяла ученому поддерживать такую интенсивную исследовательскую активность – здесь имеются в виду доступные для наблюдения и исследования феномены отрыва от родной почвы и переселения, но, кроме того, и феномен «чужой культуры» автохтонного населения, – была создана средствами имперского подавления. Даже если Бурдье решительно отвергал колониализм и критиковал его разрушительные последствия, он, как и многие до и после него, пользовался существованием той научной среды, кото-

---

Feichtinger M., Malinowski S. **Eine Million "Algerier lernen im 20. Jahrhundert zu leben". Umsiedlungslager und Zwangsmodernisierung im Algerienkrieg 1954–1962 // Journal of Modern European History / Zeitschrift für moderne europäische Geschichte. 2010. Vol. 8. S. 107–135.**

рая без колониализма просто не возникла бы в такой форме. Так вовлеченность в колониальный контекст стала обстоятельством не просто политическим или нравственным, но также и эпистемическим. На этом этапе социология Бурдье оставалась наукой под знаком колониализма. Но его социология была также знанием, сформировавшимся в тяжелых условиях освободительной войны. Не стоит забывать, что Алжир в то время характеризовался не только колониальной ситуацией – шла война за независимость. Бурдье определенно шел на риск, и его активная исследовательская деятельность привлекла внимание военных ведомств и служб безопасности, которые преследовали его по мелочам, устраивали допросы и слежку. К тому же во время своих вылазок в покинутые или сожженные французскими солдатами деревни он нередко сталкивался с хорошо вооруженными алжирцами. Так, например, было в Тизи-Узу, когда ученый во что бы то ни стало решил разобраться в ритуалах кабильских крестьян, хотя на дорогах еще стояли обгоревшие остовы машин, на обочинах сидели алжирские солдаты, а издали доносился стрекот пулеметов[40]. Когда боевые действия между французской армией и бойцами алжирского движения за независимость становились слишком ожесточенными, Бурдье со своей командой часто искал прибежище у «Белых отцов» – обосновавшегося в Алжире еще в 1850 году апостольского миссионерского ордена, который во время войны –

[40] **См.:** *Bourdieu.* **Soziologischer Selbstversuch. S. 55.**

благодаря своей социальной направленности – снискал расположение местного населения[41]. Сложно сказать, от какой из сторон в этой войне исходила бóльшая опасность. Однако в конце концов террор OAS стал причиной бегства Бурдье из Алжира. После того как ассистент социолога Мулах Хенин был застрелен боевиками OAS прямо рядом со своим домом, а сам Бурдье получил предупреждение от высокопоставленного французского офицера о том, что его жизнь в опасности, философ решил уехать из страны и занялся подготовкой своего возвращения во Францию. В мае 1961 года в обстановке строгой секретности Бурдье на военном самолете благополучно покидает Алжир[42].

Возвращение в Беарн. Возвращение в Париж было стремительным, однако на французской земле его ожидала относительно мягкая посадка. Бурдье удалось воспользоваться личным знакомством, благодаря которому многие двери в Париже оказались для него открытыми. Это был Раймон Арон, по праву считавшийся патриархом французской социологии и одним из влиятельнейших политических интеллектуалов Франции. Они познакомились в Алжире, когда Арон находился там в качестве генерального инспекто-

---

[41] **Ibid. S. 56 f.**

[42] **Об обстоятельствах отъезда см.:** *Yacine T.* **Pierre Bourdieu in Algeria at war. Notes on the birth of an engaged Ethnosociology // Ethnography. 2004. Vol. 5. S. 487–510, 492.**

ра системы национального образования (на него была возложена задача руководства экзаменационными комиссиями на французских выпускных экзаменах). Во Франции Арон помог Бурдье получить должность ассистента – сначала в Сорбонне, а затем в Лилле. Кроме того, он взял на себя руководство его новой диссертацией по социологии – эта договоренность во многих отношениях стала судьбоносной. Оставив философию, Бурдье окончательно встал на путь карьеры социолога, нашел в лице Арона своего главного покровителя и несколько лет спустя сменил его на посту руководителя Центра европейской социологии (Centre de sociologie européenne).

Арон написал предисловие к американскому изданию «Социологии Алжира» Бурдье, книга вышла под заголовком «The Algerians» и с алжирским национальным флагом на обложке – как раз к моменту обретения страной независимости в 1962 году[43]. Арон, вечный антипод Сартра, воплощал консервативный истеблишмент Франции. Особых симпатий к антиколониальным освободительным движениям он не испытывал, однако в алжирском вопросе уже с 1957 года он выступал за отделение колонии, причем прежде всего по вполне определенным экономическим соображениям, как он сформулировал в своей книге «Алжирская траге-

[43] *Bourdieu.* **The Algerians. Boston, 1962.**

дия»[44]. В предисловии к книге Бурдье Арон также пишет, что война стала для Франции слишком тяжелым бременем: «Почти восемь лет алжирская драма тяготела над французами. Как одержимость, как вина, но также и как долг. Она привела к падению режима и расколола нацию. Она нанесла урон внутреннему миру и распространила на родине атмосферу страсти и преступления». Нужно наконец признать, продолжает Арон, что алжирские события «не представляют более простого эпизода в исторически неудержимом движении, называемом „деколонизация“, а являются скорее трагическим моментом в истории Франции». Арон рекомендует книгу Бурдье «всем тем, у кого болит сердце за судьбу Франции и Запада и кому в силу этого Алжир небезразличен»[45].

Бурдье вернулся во Францию 1960 года, охваченную кризисом и которая всё сильнее скатывалась к состоянию, подобному гражданской войне, при этом словно была парализована алжирским вопросом. Алжирский опыт обеспечивал ученому уникальное положение среди французских интеллектуалов. Многие из них могли выступать против войны или заявлять о своей солидарности с ФНО, но кто еще мог похвастаться не только службой в Алжире, но и научной, а также политической деятельностью в стране? Бурдье нашел своих слушателей на негласных парижских встре-

[44] *Aron.* **La tragédie algérienne. Paris, 1957.**

[45] *Aron.* **Preface // Bourdieu. The Algerians. S. v – vii, v (перевод мой. – *О. Э.*).**

чах алжирских и французских интеллектуалов, задумывавшихся о будущем Алжира после обретения им независимости[46]. В этих кругах он располагал заметным «культурным капиталом», если воспользоваться здесь выражением из его собственной социологической теории. И он умел активно его использовать: свои первые статьи об Алжире Бурдье опубликовал в таких престижных журналах, как *Esprit* и *Les Temps modernes*[47]. Вслед за статьями вышли сразу две крупные монографии, написанные совместно с другими учеными, – «Труд и трудящиеся в Алжире» («Travail et travailleurs en Algérie») и «Искоренение» («Le Déracinement»)[48]. Центральной темой этих работ стали условия труда и жизни алжирского населения в свете колониализма и войны.

Парижские дебаты об Алжире, ведущиеся на относительно безопасном расстоянии, Бурдье воспринимал крайне скептически. Причина проста: многие французы, а также многие алжирцы, жившие во Франции, очень плохо знали страну по ту сторону Средиземного моря, и их политические

---

[46] *Perroux F.* **(Hg.). L'Algérie de demain. Paris, 1962;** *Bourdieu P.* **Vom revolutionären Krieg zur Revolution. Algerische Skizzen. S. 145–156.**

[47] *Bourdieu P.* **Révolution dans la Révolution // Esprit. Januar 1961. S. 27–40; также см. Les sous-prolétaires algériens // Les Temps modernes. Dezember 1962. Vol. 199. S. 1030–1051.**

[48] *Bourdieu P. u. a.* **Travail et travailleurs en Algérie. Paris, 1963;** *Bourdieu P., Sayad A.* **Le Déracinement. La crise de l'agriculture traditionnelle en Algérie. Paris, 1964.**

суждения были слабо обоснованными. К ним Бурдье относил и таких известных выразителей взглядов антиколониальных левых, как Жан-Поля Сартра или Франца Фанона. Например, то, что Сартр в алжирском крестьянстве видел единственную революционную силу страны, Бурдье, сумевший благодаря полевой работе хорошо изучить фактические экономические, социальные и политические условия существования алжирских крестьян и рабочих, воспринимал не иначе как «искажение реальности» – а позднее он даже назовет сартровскую позицию «полностью идиотской»[49]. По оценкам Бурдье, алжирские крестьяне определенно играли важную роль в сопротивлении французам, однако при этом они были не только действующими субъектами, но и первыми жертвами колониализма и войны. Вследствие прежних экспроприаций и грабежей, а в недавнее время – из-за войны и переселений они претерпели столь глубокие изменения, что превратились во взрывоопасную, но в то же время отчаявшуюся массу, которую можно было использовать для достижения самых противоречивых политических целей. Другими словами: алжирские крестьяне – даже в виде переселившегося в города пролетариата – были весьма далеки от того революционного образа, который рисовали себе интеллектуалы и активисты в Париже. Приписывать этим крестьянам «ре-

[49] *Bourdieu P.* **Vom revolutionären Krieg zur Revolution. S. 148;** *Le Sueur J. D.* **Uncivil War. Intellectuals and Identity Politics during the Decolonization of Algeria. Philadelphia, 2001. S. 284.**

волюционное сознание» в таком специфическом контексте было, по мнению Бурдье, совершенно безответственно.

Этот анализ ситуации побудил Бурдье к сдержанной оценке алжирского руководства того времени и его революционных целей. Действующее в изгнании Временное правительство Алжирской Республики видело в борьбе за независимость страны самую настоящую левую революцию – независимый Алжир должен был, по их мнению, превратиться в образцовую социалистическую страну. Они приветствовали лозунги Сартра и Фанона. Но верными оказались лишь оценки Бурдье. Желанная революция крестьян и пролетариев, как известно, при авторитарном режиме ФНО не состоялась[50].

Это раннее участие в политических дискуссиях трудно переоценить. Оно позволило Бурдье сформировать представление о роли науки и определило его самоощущение как политического интеллектуала. Но в эти чрезвычайно плодотворные ранние 1960-е участие в дискуссиях не было единственным полем деятельности Бурдье. Именно на тот же период пришелся эпизод, который позволяет взглянуть на пребывание Бурдье в Алжире и на его интеллектуальную биографию несколько иначе. Исследования, проводи-

---

[50] **См.: Ibid., а также:** *Bourdieu P.* **Unter Freunden // Algerische Skizzen. S. 451–460, здесь S. 454 f.**

мые в Алжире, привели его к необычной биографически-научной констелляции: одним из первых мест, куда Бурдье отправился после успешной реинтеграции во французскую научную среду, стал как раз Беарн – его родной край в Пиренеях. Там, в деревне, где жили его родители и где прошло его детство, Бурдье надолго погружался в исследовательскую работу. Он хотел после первых «непрофессиональных» шагов в этнологии попытать свои силы в сельской социологии.

В центре его внимания оказалось изучение крестьянских способов производства и стратегий воспроизводства в доиндустриальной Франции. Так, речь шла о том, чтобы понять, почему старшие сыновья из крестьянских семей остаются неженатыми, хотя деревенское общество известно сильной приверженностью праву первородства. Однако весь проект с самого начала был непосредственно связан с параллельно производимой Бурдье обработкой результатов его исследований кабильских крестьян в Алжире. Проект носил характер глубокой саморефлексии: уже в Алжире Бурдье, беря интервью у кабильских информантов, неоднократно актуализировал свой детский опыт повседневного общения с крестьянами из Беарна и постоянно проводил параллели между двумя такими различными, но, по мнению Бурдье, частично схожими группами. Теперь в Беарне Бурдье предстояло продолжить исследование – и в известной мере саму школу социологии, – чтобы, соблюдая дух научности, сделать пред-

метом объективного рассмотрения тот субъективный опыт, который в Алжире служил ему, сознательно или нет, исходной точкой. Таким образом, в Беарне он проверял и свое уже приобретенное знание о кабильском обществе – в среде, которая с детства была ему знакома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.